

С.В. Малахова

О сопоставимости некоторых дифференциальных признаков флективности в русском и корейском языках

По наиболее распространенной и практически всеми признаваемой типологической классификации выделяется 4 типа языков: изолирующий, инкорпорирующий, агглютинативный и флективный. «Характеристика некоторого языка в терминах морфологической типологии является важнейшей, возможно, самой информативной характеристикой устройства данного языка в целом» [1, с. 82]. Однако «не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам каждый язык рассматривать с двух или трех самостоятельных точек зрения по его отношению к другому языку» [2, с. 133]. Сопоставление единиц разных типологических характеристик (работы И.И. Мещанинова, В.М. Солнцева, В.М. Алпатов, С.А. Старостина и др.) позволяет глубже понять своеобразие языковой структуры конкретных языков, находить общее и отличное в системах, казалось бы, максимально удаленных друг от друга – пространственно, генетически, типологически. Интересны с этой точки зрения теоретические размышления по сопоставлению языков разных типов В. фон Гумбольдта: «...Пока инкорпорирующие и изолирующие языки мучительно силятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представить предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует каждый элемент языка сообразно выражаемой им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова» [3, с. 160].

Еще более продуктивным должно быть, на наш взгляд, сопоставление языков, относящихся к разным языковым типам, но имеющих общую базу для сравнения. Так, агглютинативный корейский язык и флективный русский объединяет главное в характеристике структуры – выражение основных грамматических значений аффиксами. Оба языка относятся к разным типам, ибо способ соединения аффиксов с корнями считается диаметрально противоположным. Однако это различие нельзя абсолютизировать: «современная типология исходит из того, что в каждом отдельном языке представлены все типы одновременно, но один из них является

ведущим. Очень часто в языке, отнесенном к какому-нибудь типу, можно найти признаки, сближающие его с каким-либо другим типом» [4, с. 351]. (См. также [2, с. 119; 5, с. 34; 6, с. 126; 7, с. 46; 8, с. 120] и др.). Но типологическая характеристика многих конкретных языков не вызывает сомнений, в частности, агглютинативность корейского и флективность русского никем не оспариваются. Может быть, это вызвано тем, что набор основных дифференциальных признаков как агглютинативного типа, так и флективного не пересекается в данных конкретных языках – за небольшим исключением, касающимся несущественных, периферийных участков языка? Рассмотрим, как представлены в русском и корейском языках два основных свойства флективности – кумуляция и омосемия аффиксов.

«Кумуляция – постоянное совмещение в одном словоизменительном аффиксе нескольких граммем, принадлежащих разным грамматическим категориям» [9, с. 552]. Например, флексия – *у* (*пишу, напишу*) в глагольной парадигме одновременно обозначает лицо (1-е), число (единственное), время (настоящее-будущее), наклонение (изъявительное). Флексии существительных и прилагательных одновременно передают значения рода, числа и падежа.

Кумуляция, безусловно, отсутствует в корейском языке. Глагольные категории (наклонения, времени), и совпадающие по значению с соответствующими русскими категориями, и не совпадающие, имеют **свои** обязательные показатели; «категории лица в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, корейский язык не знает» [10, с. 117]; категория числа у глаголов также отсутствует. Однако корейские глагольные формы выражают грамматические значения, которые в русском языке могут передаваться только лексически, соответствующими словами, или служебными частями речи. Так, значения направленности действия (показывают, в интересах 1-го, 2-го или 3-го лица совершается действие) образуют в корейском языке грамматическую категорию, ибо имеют показатели – служебные морфемы, присоединяющиеся к глагольным корням.

Многочисленные формы деепричастий передают значения соединения, результативности, одновременности, условности, причинности, уступки, цели и т.д., которые во флективных языках оформляются союзами или союзными словами. Лексически передается в русском языке и значение вежливости (*пожалуйста*), которое в корейском глаголе выражается грамматическими формами сказуемого. Это гонорифическое значение, по мнению А.А. Холодовича, близко к категориальному значению русского глагольного лица [10, с. 117], ибо относится к действию человека, с которым беседуют или о котором идет речь и которое занимает более высокое социальное положение, чем лицо говорящее. Можно сказать, что и в русском языке имеется грамматическое средство выражения гонорифического значения: употребление местоимения 2-го лица множественного числа с большой буквы и соответствующей глагольной формы вместо местоимения и глагольной формы 2-го лица единственного числа. Как и в корейском языке, употребление этой формы вежливости традиционно и постоянно. Но в корейском языке, в отличие от русского, гонорифические показатели специфичны, это не вторичное, переносное употребление единиц с другим значением. Кроме того, имеется несколько способов выражения вежливости. Следовательно, речь должна идти о наличии соответствующей грамматической категории.

Что касается именных форм, то корейские прилагательные – в отличие от русских – с грамматической точки зрения близки не существительным, а глаголам. Но и в прилагательных, и в существительных, как и в глаголах, отсутствуют служебные морфемы, одновременно передающие в одном слове несколько грамматических значений. Даже необязательность присутствия аффикса множественного числа при соответствующем значении существительного не говорит о том, что множественность передается другим имеющимся в наличии аффиксом (вместе со своим основным значением). Количественная характеристика в таком случае дается либо экстралингвистически, либо значением или формой других частей речи (членов данного предложения). Ибо в корейском языке практически отсутствует *грамматическая* тавтология, столь широко представленная в русском языке, где значение множественности, например, одновременно передают флексии определения (прилагательного в широком смысле слова), подлежащего (существительного или местоимения) и сказуемого (глагола или предикативного прилагательного): *Убегающие вдале тропинки причудливо пересекались...*

В русском языке имеет место использование форм единственного числа вместо множественного: *здесь рыба водится; спектакль рассчитан на массового зрителя*. Можно привести примеры и переносного употребления форм множественного числа: *у тебя родственники есть: брат; мы все глядим в Наполеоны*. В корейском языке суть категории числа состоит несколько в ином. «Существительные в исходной форме не выражают значения числа» [11, с. 114]: «*мал* означает и “лошадь”, и “лошади”, *чип* означает и “дом,” и “дома”... Выражается только множественное число» [10, с. 51]. Из чего следует, что говорить о переносном употреблении форм числа в корейской морфологии вряд ли приходится.

Корейские «падежные формы... могут быть модифицированы с помощью специальных аффиксов-частиц, которые мы называем **клитиками-модификаторами**... Модификация осуществляется добавлением к основному грамматическому значению слова, выраженному падежом, некоторого дополнительного значения» [11, с. 111]. Внешне это явление имеет отношение к кумуляции, так как большая часть клитик-модификаторов отсекает падежные показатели существительного, как правило, стоящего в именительном, основном или винительном падеже. Если считать, что падежное значение в таком случае вынужденно начинает передаваться самими клитиками-модификаторами, то получается кумулятивное выражение нескольких значений одним морфом. Это, однако, не совсем так. Во-первых, собственное значение клитики-модификатора относится не к морфологическому, как это понимается в русском языкознании, а к синтаксическому (присоединение, противопоставление, сопоставление, уступка, выделение темы как единицы актуального членения и т.д.) или даже лексическому (исходный или конечный пункт назначения, «каждый» и др.) плану. Кроме того, в дательном, местном, творительном и совместном падежах, как правило, сохраняются падежные показатели. Так что речь идет скорее не о кумуляции, а о нулевых омонимичных показателях некоторых падежных значений при наличии клитик-модификаторов. И наконец, явление это не столь широко распространено и находится на периферии грамматических свойств корейского существительного и местоимения, вследствие чего говорить о кумуляции как основном свойстве языка не приходится в любом случае.

В корейском языке не просто отсутствует кумуляция – имеется то, что можно назвать диаметрально противоположным феноменом.

Так, в именах существительных падежное значение не только оформляется своим собственным аффиксом – к одному существительному могут присоединяться одновременно несколько падежных показателей (до трех), например, дательного, местного и родительного падежей. «Составные формативы с конечным родительным дают возможность сочетать в одной падежной форме признаки дополнения и определения, обстоятельства и определения» [11, с. 108]. Да и значение множественности у существительных передают в числе прочих показатели *-тыл* и *-не* (значение инклюзивной собирательности), которые также могут использоваться «в любой последовательности в составе одной словоформы» [11, с. 115]. Таким образом, каждый оттенок грамматического значения получает свое индивидуальное выражение с помощью отдельной служебной морфемы. В русском языке эти нюансы можно передать только лексическими средствами.

Следующее свойство флективных языков – «омосемия словоизменительных аффиксов, то есть наличие ряда параллельных (равнозначных) аффиксов для передачи одного и того же грамматического значения или комплекса значений», находящихся «в отношениях дополнительной дистрибуции» [9, с. 552]. Служебная омосемия чрезвычайно широко распространена и в корейском языке. Как известно, результатом данного явления в русской грамматике является неизбежность выделения типов склонения существительного, типов спряжения глагола. В корейском языке также можно говорить о двух типах склонения существительных: после основы на гласный и после основы на согласный, как это дано в «Кратком очерке грамматики современного корейского языка» [12, с. 965]. Однако впоследствии Ю.Н. Мазур отказался от деления существительных по типам склонения и назвал варианты показатели падежного значения (например, *-рыль/-ыль* в винительном падеже, *-ро/-ыро* в творительном падеже) альтернантами. «Альтернантами (алломорфами одной морфемы) являются морфы, для которых характерны одновременно следующие признаки: 1) тождественность значения; 2) определенная позиция каждого из морфов, обусловленная соседним морфом» [11, с. 90], что можно сравнить с русскими алломорфами: *отцом – душем, крадут – прыгают*. А.А. Холодович характеризует *-ы-* как особую строевую часть между корнем и флексией [10, с. 31, 39]. Это значит, что часть *-ы-*, отличающая параллельные окончания некоторых корейских форм, аттестуется А.А. Холодовичем так же, как

это делает Е.А. Земская по отношению к интерфиксам в русском языке: «Другой вид явления, происходящих на границе морфем, – интерфиксация. Она состоит в том, что между двумя морфемами вставляется асемантическая (незначимая) прокладка, устраняющая сочетания или нетипичные для структуры русского слова» [13, с. 113]. Например: *творить – твор-еу*, но *жить – жи-леу*, *петь – пе-веу*.

Разумеется, морфонологические процессы в русском и корейском языках различны. Если в перечисленных русских примерах (в других случаях могут быть и иные причины) интерфиксы помогают избежать зияния (соседства гласных звуков), то в корейском языке варианты аффиксы чаще мешают скоплению согласных.

Однако параллельные показатели не всех корейских падежей поддаются морфонологическому объяснению. Так, в именительном падеже после основы на гласный – *-га*, после основы на согласный – *-и*; в совместном падеже – соответственно – *-ва* (сложная гласная) и *-ква*; в звательном падеже – *-я*, *-а* или *-ё*, *-иё*. Абсолютно разная фонетическая характеристика окончаний в именительном падеже, многочисленные «интерфиксы» (в которых нельзя выявить какие-то фонетические закономерности: даже очевидному, казалось бы, положению – если основа оканчивается на согласный, то выбирается окончание с начальной гласной, и наоборот – противоречат флексии совместного падежа), различающие показатели падежей после основ на гласный и на согласный (*-ы*, *-и*, *-й*, *-р*, *-к*), с фонетической точки зрения свидетельствуют о наличии типов склонения существительных. С другой стороны, осложняющая склонение вариативность по признаку одушевленности/неодушевленности (в дательном и местном падежах) и по стилистической окраске (почтительность, вежливость, разговорность) показывает, насколько разветвлена система падежных форм корейского существительного. И нельзя, по нашему мнению, упорядочить ее, не разбивая на типы склонения. Так или иначе, но совершенно очевидно, что речь не может идти о фонетических видоизменениях одного окончания: это разные омосемичные флексии.

О типах же спряжения корейских глаголов нельзя говорить хотя бы потому, что спряжение в наиболее принятом в русском языкознании понимании – это изменение по лицам и числам. И та, и другая категории, как уже было сказано, отсутствуют в корейском глаголе. Глагольная парадигма, широкая и разветвленная,

включает в себя совершенно другие категории, где широко распространено оформление одного грамматического значения различными аффиксами. Об активности данного явления среди глагольных форм свидетельствуют хотя бы таблицы повествовательных, вопросительных, повелительных и пригласительных служебных морфем, приводимые в работе Ю.Н. Мазура [11, с. 124–126], где с одним значением возможны до 6–7 грамматических форм и где единственная форма с данным грамматическим значением имеет место лишь в 37,5% случаев. В многочисленных формах деепричастий единственный показатель грамматического значения встречается уже в 66% (в это число входят показатели с фонологическими модификациями – до трех вариантов) [11, с. 128–129]. Однако и здесь достаточно (34%) представлена омосемия словоизменяемых аффиксов.

Эти цифры вполне сопоставимы с данными русской грамматики. Глаголы I и II спряжения в одной форме из шести (1-го лица единственного числа) также имеют только одну флексию с модификацией (-*у*, -*ю*), что составляет 17% парадигмы. Русские существительные всех типов склонения имеют общие флексии во множественном числе в дательном, творительном и предложном падежах, что составляет 25% парадигмы. Если же учесть, что в древнерусском языке было, например, 5 (6) типов склонения существительных, различающихся во всех падежах к тому же и во множественном числе, получается, что прогресс в русской грамматике связан с сокращением омосемичных форм, что, возможно, ставит под сомнение важность данного признака в системе отличительных свойств флективных языков.

Широко распространено в корейском языке явление, обратное омосемии, – омонимия служебных морфем, буквенно-фонематическое совпадение разных форм с не связанными друг с другом грамматическими значениями. Так, простое будущее время глаголов, обозначающее действие говорящего или собеседника после момента речи, и модальное значение вежливости имеют омонимичные показатели – *кесс*. Особенно активно действуют омонимичные служебные морфемы между именными и глагольными формами: существительное в основном падеже имеет флексию -*ын* (если основа оканчивается на согласный) и -*нын* (если

основа оканчивается на гласный); причастие настоящего времени имеет окончание -*нын*, причастие прошедшего времени после основы на согласный – -*ын*. Имеется и клитика-модификатор -*нын*,(-*н*)/-*ын*» «для выделения, подчеркивания, привлечения внимания к имени» [11, с. 112]. Одна из флексий причастия будущего времени (-*ыль*) омонимична одному из окончаний существительного в винительном падеже.

Это явление хорошо представлено и в русском языке. Так, глаголы в прошедшем времени и краткие причастия имеют те же родовые окончания, что и соответствующие существительные; некоторые притяжательные прилагательные сохраняют окончания соответствующих существительных. Список подобных совпадений в обоих языках можно продолжить и далее.

Итак, здесь рассмотрены пока только два основных дифференциальных признака, которые отличают флективные языки в первую очередь от агглютинативных. Выяснилось, что в агглютинативном корейском языке, как это и должно быть, нет кумуляции, но распространено явление, обратное кумуляции, отсутствующее в русском языке. Омосемия же служебных морфем по активности немногим уступает омосемии русских аффиксов. Обратное явление (омонимия аффиксов) хорошо представлено и в русском, и в корейском языках.

Почему в агглютинативном корейском языке имеются параллельные формы для передачи одного грамматического значения? Возможно, объясняется это просто тем, что «граница между флективностью и агглютинацией не абсолютна: нередко в одном языке сочетаются флективные черты с агглютинативными» [9, с. 552]. Но если основные типологически противоположные процессы затрагивают центральную часть грамматики, а не периферийные явления, то перед нами – языковой феномен в промежуточном состоянии распада одной типологической системы и формирования другой, что едва ли относится к корейскому языку. (В отечественных исследованиях в лучшем случае речь идет лишь о «тенденции к усилению флективности» [14, с. 241] в этом языке). Поэтому можно предположить, что не все дифференциальные признаки, рассматриваемые в настоящее время в качестве основных маркеров, отличающих флективные языки от агглютинативных, являются таковыми.

Литература

1. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – Минск, 2000.
2. Сепир Э. Язык // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2001.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.
4. Березин Ф.М. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М., 1979.
5. Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. 3.– М., 1963.
6. Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию. – М., 1984.
7. Серебренников Б.А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // Вопросы языкознания. – 1963. – №1.
8. Солнцев В.М. О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира / отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. – М., 1976.
9. Булыгина Т.В. Флективность / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
10. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. – М., 1954.
11. Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). – М., 2001.
12. Мазур Ю.Н. Краткий очерк грамматики современного корейского языка // Русско-корейский словарь. – М., 1953.
13. Земская Е.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
14. Концевич Л.Р. Корейский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.